

УДК 343.1

Р.Р. Алекперов

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

В соответствии с ч. 1 ст. 117 УПК Республики Беларусь меры пресечения, в том числе заключение под стражу, могут применяться органом, ведущим уголовный процесс, лишь в том случае, когда собранные по уголовному делу доказательства дают достаточные основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться от органа уголовного преследования и суда; воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора.

Как видим, необходимость применения любой меры пресечения детерминируется собранными, проверенными и оцененными в ходе расследования уголовного дела доказательствами. Эти доказательства в совокупности с обстоятельствами, учитываемыми при применении меры пресечения (регламентированы ч. 2 ст. 117 УПК), непосредственно влияют на ее выбор. Иными словами, в рамках расследования уголовного дела орган уголовного преследования, а также суд при его рассмотрении должны оценить наличие риск-факторов, указывающих на необходимость избрания определенной меры пресечения.

Анализ практики применения меры пресечения в виде заключения под стражу показывает, что часто эта мера пресечения избирается вследствие наличия основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться от органа уголовного преследования, суда.

Обзор специальной литературы позволяет в качестве риск-факторов наличия этого основания назвать следующие:

тяжесть инкриминируемого преступления и суровость (в перспективе) уголовного наказания;

характер человека, наличие или отсутствие постоянного места жительства на территории Республики Беларусь;

отсутствие прочных социальных связей (семьи и иждивенцев), а также иных личных обязательств по месту проживания;

отсутствие постоянного места работы или источника дохода, которого подозреваемый или обвиняемый в случае своего сокрытия может лишиться;

наличие иностранного гражданства, а также вида на жительство иностранного государства;

наличие в собственности недвижимости и (или) источника дохода за рубежом;

наличие у подозреваемого или обвиняемого родственников и (или) близких лиц, иных контактов на территории иностранного государства;

отсутствие постоянного места жительства, ведение бродяжнического образа жизни;

предыдущее поведение подозреваемого или обвиняемого (нарушение условий ранее примененной меры пресечения, в том числе сокрытие от органов уголовного преследования и суда, оказание сопротивления при задержании и т. п.);

наличие обстоятельств, которые увеличивают вероятность сокрытия подозреваемого или обвиняемого от органов уголовного преследования и суда (состояние здоровья, возраст, признание вины, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, необходимость возмещения ущерба, вреда, причиненных в результате совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом);

наличие иных обстоятельств, которые свидетельствуют о подготовке подозреваемого или обвиняемого к сокрытию от органов уголовного преследования и суда (приобретение проездных документов для поездки за рубеж, распродажа собственности, снятие крупных сумм денежных средств с банковских счетов, их закрытие, продажа криптовалюты, акций, облигаций, обнаружение при проведении следственных действий фальшивых удостоверений личности, крупных сумм наличных денежных средств, драгоценностей, совершение преступлений в составе преступной организации или организованной группы, в том числе и транснациональной).

По нашему мнению, орган уголовного преследования в ходе расследования уголовного дела и суд в ходе его рассмотрения должны учитывать указанные риск-факторы, отсутствие либо наличие которых может свидетельствовать о необходимости применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

УДК 343.7

В.И. Алескеров

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Статистика свидетельствует, что хищения денежных средств, совершенные с использованием вредоносных программ, составляют незначительную часть в структуре преступности. Однако ущерб, причиненный ими, настолько велик, что не сразу поддается оценке. Используемые злоумышленниками замаскированные способы преступных действий и осуществление

противодействия расследованию существенно затрудняют борьбу с преступлениями рассматриваемого вида. Каждая вновь возникшая ситуация требует индивидуального подхода и актуализации вопросов, необходимых для раскрытия хищений денежных средств, совершаемых в системе дистанционного банковского обслуживания.

Дистанционное банковское обслуживание – технологии предоставления банковских услуг на основании распоряжений, передаваемых клиентом без его визита в банк, чаще всего с использованием компьютерных и телефонных сетей. В каждой конкретной ситуации рассматриваемого вида преступлений присутствует корысть и, как результат, происходит безвозмездное противоправное изъятие денежных средств и оборот их в пользу участника преступления.

По сведениям, представленным Центральным федеральным каналом «Россия-1», ущерб от преступлений, совершенных в системе дистанционного банковского обслуживания посредством перевода денежных средств пользователей социальных сетей, в 2019 г. составил 6,5 млрд р., а в 2020 г. – 150 млрд р.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» дал некоторые разъяснения в связи с вопросами, возникшими в судебной практике при рассмотрении уголовных дел о хищениях, но данные разъяснения лишь фрагментарно затронули вопросы квалификации хищения денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания (с использованием электронных средств платежа). Кроме того, данные разъяснения были даны до внесения изменений в уголовное законодательство и законодательство, регулирующее сферу банковской деятельности, связанных с регламентацией безналичных расчетов. В связи с чем в практической деятельности судов, а также следственных органов остается много неразрешенных вопросов.

Одним из распространенных способов хищений денежных средств с лицевых счетов клиентов банка является преступный сговор сотрудников кредитных организаций, уполномоченных осуществлять различного вида услуги в системе дистанционного банковского обслуживания, или иных лиц, наделенных правами и возможностями доступа к компьютеру, подключенному к системе дистанционного банковского обслуживания.

В зависимости от складывающейся ситуации, а также способа осуществления хищений денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания преступления могут совершаться в виде краж (ст. 158 УК РФ), мошенничества в сфере компьютерной информации и телекоммуникационных систем (ст. 159.6 УК РФ) либо присвоения или растрат (ст. 160 УК РФ).

В случае если со счета клиента банка были похищены денежные средства без ведома его владельца, данное преступное деяние согласно нормам ст. 158 УК РФ можно квалифицировать как кражу.

Что же касается мошенничества, совершаемого в сфере компьютерной информации и телекоммуникационных систем, то в данном случае должны присутствовать корыстная цель со стороны участника преступления или же соучастника; обман и злоупотребление доверием клиента, сопряженное с вводом, последующим удалением, блокированием, модификацией имеющейся и хранящейся в технических средствах информации. В этом случае такое противоправное деяние будет квалифицироваться как мошенничество по ст. 159.6 УК РФ.

Для того чтобы квалифицировать преступное деяние как присвоение или растрату по ст. 160 УК РФ, в действиях злоумышленника должно присутствовать противоправное безвозмездное обращение денежных средств в свою пользу или пользу других лиц с использованием дистанционного банковского обслуживания сотрудником, имеющим в силу должностного или иного служебного положения доступ к лицевому счету клиента.

УДК 343.1:004.08

А.А. Балашова

О ПОНЯТИИ «ЭЛЕКТРОННЫЙ НОСИТЕЛЬ ИНФОРМАЦИИ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящее время относительно определения, содержания, а также процессуального порядка получения, оценки и использования информации на электронных носителях в уголовном процессе ведутся активные научные дискуссии. В уголовно-процессуальном законодательстве не содержится нормативно закрепленное определение понятия «электронный носитель информации». Касательно данной правовой категории в литературе высказываются различные точки зрения, подчас противоположные и взаимоисключающие друг друга, что обусловлено существующей правовой неопределенностью относительно понятия «электронный носитель информации» как источника доказательств.

Так, М.С. Сергеев при рассмотрении истории развития электронных технических средств, используемых при формировании доказательств, делает акцент на циркуляр Департамента полиции МВД Российской империи от 28 октября 1882 г. № 8550, в котором упоминается фотография и фотофиксация, что, по его мнению, дает основания говорить об истоках развития применения электронно-технических средств в уголовном судопроизводстве.

Полагаем, что данный подход к генезису правовой регламентации использования электронного носителя информации в уголовном процессе не может быть поддержан. Фотография – область техники и искусства, которая использует методы получения на светочувствительных материалах изображений (фотоснимков) материальных объектов при помощи оптических средств. Вместе с тем использование данной технологии получения фотоизображений для фиксации доказательственной информации не дает никаких оснований утверждать о формировании при этом информации на электронных носителях.

По нашему мнению, отправной точкой формирования положений уголовно-процессуального законодательства, касающихся возможности использования каких-либо носителей информации, альтернативных бумажным, стало принятие Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г., которым в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР была введена ст. 141.1 «Применение звукозаписи при допросе». Кроме того, во второй половине XX в. в целях фиксации хода и результатов следственных действий стали активно применяться видеозапись и киносъемка. Ряд следственных действий, таких